

М.А. Красноборов

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОЙ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассматриваются некоторые проблемы конструирования исторической постпамяти в качестве основы для формирования общенациональной и локальной идентичности. Постпамять может существовать в трех возможных формах – семейной, аффилированной и официальной. Официальная постпамять является продуктом государственной политики памяти и направлена на формирование национальной (общегражданской) идентичности, в то время как семейная постпамять формируется на основе семейных нарративов. Сопряжение вышеупомянутых видов постпамяти может осуществляться с помощью трех стратегий: конформизма, при котором семейная постпамять полностью согласуется с официальной версией постпамяти; фрондерства, при котором семейная постпамять строится как альтернативный сюжет, и забвения, когда семейная история более не транслируется младшим поколениям. Каждая из этих стратегий чревата возникновением противоречий между официальной версией постпамяти, неизбежно упрощенной, и семейными версиями постпамяти, содержащими множество индивидуальных историй, не всегда укладывающихся в официальные схемы. Эти противоречия, в свою очередь, могут привести к возникновению у некоторых граждан исторических травм, источником которых служит невозможность согласовать прошлое своих предков и официальной истории. Такие травмы автор предлагает назвать травмами второго порядка, чтобы отличить их от более привычных исторических травм, описанных Петером Штомпкой. Изживание таких травм возможно, во-первых, если рамки официальной постпамяти будут существенно расширены, что позволит найти в ней место для самых сложных вариантов семейного прошлого, и во-вторых, если развивать аффилированные практики постпамяти, которые позволят сконструировать более сложный, но и более универсальный взгляд на историю общества.

Ключевые слова: *историческая память, локальная идентичность, политика памяти, коммеморация, историческая травма, постпамять, конформизм, забвение.*

Несколько лет назад в канун празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне к экспертам обратились сотрудники правоохранительных органов для оценки действий молодого человека, задержанного по факту вандализма, который изобразил две свастики на памятнике «Скорбящая Мать» рядом с воинским захоронением на Егошихинском кладбище г. Перми и оставил надпись: *«Безголовые придурки Дураки с мозгами»*. Ему было предъявлено обвинение в хулиганстве и экстремизме, хотя сами сотрудники подчеркивали, что он, скорее всего, имеет отклонение от психической нормы. При задержании молодой человек дал следующее объяснение: *«Один мой дед воевал в Красной армии, а другой жил в Прибалтике, не знаю, где бы я ока-*

© Красноборов М.А., 2017

Красноборов Михаил Андреевич – аспирант, ассистент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ), e-mail: krasnoborov@pspu.ru.

зался, если бы Великая Отечественная война была сегодня» (личный архив автора). Из его объяснения следовало, что данная надпись и рисунки относятся как к Великой Отечественной войне, так и к войнам в целом. Посыл, который он, судя по его объяснениям, пытался донести своим крайне нелепым и противоправным действием, – «всякая война плоха».

Этот эпизод может стать поводом для серьезного исследования социального феномена, который мы все чаще наблюдаем в последнее время – некоей новой разновидности исторической травмы, приводящей к кризису идентичности. Действительно, мы видим, что молодой гражданин Российской Федерации, не замеченный в связях ни с неонацистскими, ни с другими экстремистскими организациями, ведет себя настолько странно, что у окружающих возникает сомнение в его душевном здоровье. Насколько мы можем судить по имеющимся у нас данным, к такой дикой выходке его привело столкновение семейной памяти (в данном случае – памяти о своих предках) с официальной исторической памятью. Оставим за скобками юридический вопрос происшествия и заострим внимание на первопричине ситуации. Для этого необходимо обратиться к таким категориям, как история, коллективная и индивидуальная память, изучением которых занимается научное направление «memory studies».

Для начала нужно развести два понятия: история и память. Понятие «память» изначально разрабатывалось в поле психологии и вместе с этим термином в социальные науки пришли такие сопутствующие понятия, как забвение, амнезия и т.д. В общем представлении память – это эмоционально окрашенная интерпретация прошлого, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления [1, с. 20]. Напротив, история – это всегда проблематичная и неизбежно неполная реконструкция того, чего больше нет, т.е. репрезентация прошлого в произведениях, как правило, профессиональных историков.

История и память отличаются друг от друга не только родом знания их творцов, но и ролью этого знания в конструировании социального мира. Если историческая память является базисом для самоидентификации отдельного человека, история является основой для формирования представлений о себе больших социальных групп, вплоть до национального общества. Гордон Лефф по данному вопросу писал: «Кто они есть и кем могли бы стать – группы определяют себя через историю, точно так же, как индивид определяет себя через память» [2, с. 115].

Классики memory studies (Морис Хабльвакс, Пьер Нора) [1, 3, 4] в своих произведениях почти всегда говорят про историческую память вообще, не разделяя ее на отдельные виды. Для них главным было отделить историче-

скую память от истории. Современный нам исследователь Марианна Хирш предложила выделить из исторической памяти сферу постпамяти. Под ней она понимает все воспоминания, которые достаются человеку через посредников, а не лично. Очевидно, что в рамках такого различения постпамять в общем объеме исторической памяти занимает доминирующее положение. Кроме того, Хирш делит историческую постпамять на семейную, аффилированную и официальную [5]. В самом названии семейной и официальной памяти содержится указание на источник их формирования и практики передачи. В первом случае речь идет о памяти, формируемой в семье и транслируемой через нарративы старших поколений, адресованные младшим. Официальная память есть продукт государственной политики памяти. Она транслируется через многочисленные социальные институты (школа, средства массовой информации, телевидение и т.д.) и коммеморативные практики (ритуалы памяти, создание исторических мемориалов, государственные праздники). Официальная постпамять реализуется через «политику памяти», выражающейся в разных практиках: в организации документальной базы архивов, в «изобретении традиций» [6], в утверждении единых схем интерпретации истории, в организации массового исторического образования, в монументальной пропаганде и т.д.

Аффилированная память – более сложная для понимания разновидность постпамяти. Это переживание истории совместно со множеством других людей, обусловленное потребностью чувствовать свою принадлежность к социуму.

М. Хирш указывает, что государство часто может использовать семейную и аффилированную постпамять для усиления официальной постпамяти. В этом случае государство стремится задать социальные рамки для переживания и вовлечения людей, чаще всего с целью конструирования национальной (общегражданской) идентичности.

Именно тут и скрывается причина травм, подобных описанной в начале этой статьи. Дело в том, что образ истории в рамках официальной постпамяти зачастую оказывается слишком обобщенным и даже упрощенным, в то время как представления о прошлом в рамках семейной постпамяти очень вариативны. Судьбы отдельных людей и семей зачастую складываются очень причудливо и включают в себя как хорошо согласующиеся с официальной историей сюжеты, так и им противоречащие. Последнее можно объяснить многими факторами: аберрацией семейных нарративов (семейные предания могут быть просто искажены), противоречивостью исторического процесса, в котором героическое часто соседствует с трагическим, а высокое с низким, сложностью событий, редко должным образом отраженной в официальной версии истории.

Необходимо заострить внимание на способах сопряжения официальной и семейной постпамяти. В 2015–2016 годах автором была проведена серия

фокус-интервью с представителями старшего поколения (60–85 лет) на тему «Семейная история» (12 интервью: 4 мужчины и 8 женщин). Информантам задавались вопросы о том, как они рассказывают о прошлом своей семьи (и лично пережитом, и услышанном от своих предков) детям и внукам. Эти интервью дают основание говорить о трех основных сценариях выстраивания семейной истории. Первый сценарий можно назвать «конформистским», поскольку в его рамках история отдельно взятой семьи подгоняется старшим поколением под официально признанную модель прошлого. Чаще всего такой сценарий объясняется через нежелание сообщать своим потомкам нежелательные, «темные» стороны семейного прошлого. («Зачем им это все знать... да они и не поймут, время было сложным» – Женщина, 75 лет).

Второй сценарий строится на противопоставлении семейного прошлого официальной истории. Здесь можем наблюдать некий вариант фрондерства, которое чаще распространено среди представителей образованных слоев и интеллигенции. Например, один из информантов вспоминал, что его бабушка, помнящая еще царя, очень любила повторять, что «при царе мы жили намного лучше, чем при большевиках» (Мужчина, 69 лет). Сами информанты часто демонстрировали собственное фрондерство, объясняя, что «в советское время было все совсем не так, как сейчас принято считать» (Женщина, 79 лет). Разновидностью этого сценария является так называемое «своеволие» (термин, используемый А. Людтке) [7]. В данном случае официальная история в целом не отвергается, но добавляется собственная интерпретация прошлого, которая расширяет границы официальной точки зрения и добавляет иной взгляд на исторические события, что, в конце концов, может поменять общую картину прошлого. («Старшие дети работали во время войны на заводе... так сказать, все для фронта... Было очень голодно, так что старших детей посылали на завод, чтобы получали рабочую карточку». – Женщина, 73 года).

Наконец, третий сценарий связан с забвением семейного прошлого и возникает, когда семейная история частично или полностью не вписывается в рамки официальной. В этих условиях члены семьи предпочитают стереть неудобные моменты из памяти, в частности, не говорят о некоторых исторических событиях, участниками которых являлись. Примером может служить личное воспоминание автора, в семье которого в советское время было не принято говорить о родственниках из Польши, и никто не знал, что было в письмах, которые приходили от брата прадедушки, так как их сразу сжигали.

Все три сценария взаимодействия могут быть так или иначе связаны с наличием исторических травм. Понятие исторической травмы описано П. Штомпкой, который определял его как наиболее сложный уровень культурной травмы, связанный с проблематичными, противоречивыми и трагическими событиями прошлого [8]. Исторической травме часто подвергаются

целые сообщества – этнические и национальные группы, территориальные сообщества, отдельные социальные категории населения и т.д. Примерами таких травматических событий могут стать: войны, революции, ломка общественного строя, экономические кризисы, завоевание, колонизация, массовые миграции, так как все они представляют угрозу для общественной идентичности. В теории П. Штомпки изживание травмы возможно лишь в результате длительных коллективных усилий общества и государства. Таким образом стоит рассматривать историческую травму как динамичный процесс.

Следует заметить, что П. Штомпка говорит в своей теории о травмах, непосредственно переживаемых участниками социальных отношений. Темой же данной статьи является историческая постпамять. Как могут возникать травмы на этой почве? И будут ли эти травмы такими же, как и после непосредственного переживания травмирующих событий?

Историческая постпамять включает в себя события, которые носят потенциально травматический характер. По результатам массового опроса, проведенного в 2012 году кафедрой культурологии ПГГПУ, можно утверждать, что пермяки считают наиболее важными событиями, повлиявшими на местное сообщество: эвакуацию в годы ВОВ (57%), ссылки политических (36,6%) и уголовных (27,9%) заключенных в ПК, поселения староверов (19,2%) и переселение в годы первых пятилеток (17,8%) [9]. Репрессии (ссылки), переселения и эвакуация в соответствии с теорией П. Штомпки носят травмоопасный характер.

Однако эти травмы по своей сути и социальному воздействию отличаются от примера, который мы привели в начале статьи. Данные травмирующие события уже были пережиты предыдущими поколениями, память (именно память, а не постпамять) о них была либо передана детям и внукам (нашим современникам), либо «спрятана» от них. Перед нами скорее травмы изживаемые. Чтобы отличить их от описываемого нами феномена, мы обозначим их как травмы первого порядка.

Напротив, описанный в начале статьи случай можно обозначить как травму второго порядка. Подобные травмы возникают уже в рамках постпамяти, поскольку те, кто ее испытал, не являются свидетелями событий прошлого. Такая травма возникает из-за несоответствия между уже сформированными рассказами предшествующих поколений сюжетами и оценками семейной постпамяти и оценками постпамяти официальной.

Чтобы понять, как события становятся актуальными травмами, необходимо привлечь данные, полученные в ходе серии фокус-интервью, проведенных автором среди старшеклассников пермских школ. Всего автором было опрошено 15 старшеклассников из 5 пермских школ разной направленности и степени престижа. Информантам были заданы вопросы, которые помогли оценить уровень их включенности в культурно-исторический контекст места

проживания, участия в коммеморативных практиках, а также выявить их представления о прошлом своей семьи и согласованность этого прошлого с официальной постпамятью.

Половину информантов составили внуки эвакуированных из Москвы, Ленинграда, Карелии и репрессированных из Харьковской, Львовской и Ростовской областей. Вынужденная миграция данных семей когда-то являлась для них травмирующим фактом. Это видно по тем практикам, которые существуют в родительских семьях школьников относительно прошлого: хорошая осведомленность об этих событиях, практика семейных рассказов (проговаривание травмы – один из наиболее распространенных способов терапии) и интерес к данным событиям у самих школьников. Впрочем, даже у третьего поколения семьи эти исторические травмы нельзя считать преодоленными полностью: те опрошенные, чьи бабушки и дедушки были репрессированы, чаще говорят о том, что Пермь – это ссыльный город, а Пермский край – «волчий край» (Юноша, 10-й класс). Они уверены, что история состоит не только из побед: *«...Так что, если у нас есть победы, мы не должны забывать о репрессиях, которые были...»* (Юноша, 11-й класс).

Семейная постпамять большинства опрошенных школьников сопряжена с официальной постпамятью по первому сценарию, т.е. через конформизм. Даже семейное прошлое, которое потенциально носит в какой-то мере травмирующий характер, использована в семейной постпамяти для укрепления национальной идентичности. Например, интервьюируемые школьники, считающие себя потомками донских казаков, чья история далеко неоднозначна, убеждены в героической истории своих дедов и прадедов. Более того, по их словам, они стараются сохранять семейные традиции и реликвии, хранящиеся в семьях, – шашки и медали.

В интервью некоторых информантов можно обнаружить и второй сценарий сопряжения семейной и официальной форм постпамяти, условно названный нами «фрондерским». Чаще всего это связано с хорошо известным и неоднократно описанным феноменом ностальгии по советскому прошлому со стороны старшего поколения, что плохо согласуется с оптимистичными оценками современности: *«Тогда был порядок, дедушка и бабушка не помнят о плохом»* (Девушка, 10-й класс).

Третий сценарий (забвение, амнезия), выявленный нами в интервью представителей старшего поколения, разумеется, в интервью старшеклассников не встречается.

Но более интересным является рассказ одного из интервьюируемых, который вновь демонстрирует травму второго порядка, аналогичную травме, описанной в начале статьи, вытекающую из столкновения официальной и семейной постпамяти. Один из одиннадцатиклассников при ответе на уточняющий вопрос по поводу исторической родины его семьи рассказал, что пе-

ред ним стоит дилемма, отказываться или нет от истории своих прародителей: *«Все дело в том, что мои прадедушка и прабабушка с Западной Украины, жили где-то под Львовом, их переселили еще до войны, я их не знал, корней родители не искали... Но по телевизору и везде говорят, что там одни «бандеровцы», фашисты, как против русских выступали, как воевали против России, а я ведь тоже русский...»* (Юноша, 11-й класс).

В этом примере мы вновь видим несоответствие между семейной историей, в которой современники отождествляются с предками, а предки всегда должны быть достойными примерами для подражания, и массовыми стереотипами, сформированными современными телевизионными сюжетами. Невозможность примерить добрую память о предках и новое (упрощенное) мнение о том, что выходец из Западной Украины всегда должен быть «бандеровец» является тут основным содержанием травмы. И хотя она переживается этим молодым человеком в более мягких формах, нежели в первом случае, суть травмы от этого не меняется.

Ввиду малого числа выборки, используемой при применении фокус-интервью, мы не можем сказать, насколько широко распространены в нашем обществе травмы второго порядка. Ответ на этот вопрос могли бы дать более широкие опросы. Но уже сейчас очевидно, что потенциальное поле для возникновения травм второго порядка достаточно широко.

Чем чреваты травмы второго порядка? Наличие травмы в исторической памяти человека может привести к кризису идентичности, описанного С. Хантингтоном. Он утверждает, что чаще всего апелляция к памяти происходит, когда идентичности народа что-то угрожает [10, с. 16–17]. Социальная общность вспоминает конфликты или другие тревожные общественные события для того, чтобы укрепить свою идентичность. Но если некоторая часть представителей нации не могут успешно вписать собственную семейную историю в национальное прошлое, то им остается либо формировать иную, альтернативную идентичность, либо бороться за такое переопределение прошлого, которое бы дало им их законное место в данном обществе.

Автор предполагает, что наиболее приемлемый путь формирования общенациональной исторической памяти идет через усиление роли аффилированной постпамяти, которая может быть достойной альтернативой упрощенным официальным историческим схемам, благодаря ее коллективному характеру и более демократическим механизмам формирования.

Список литературы

1. Нора П. Историки поняли, что законы – очень опасная вещь [Электронный ресурс]. – URL: <http://urokiistorii.ru/current/view/2010/31/nora-ui> (дата обращения: 23.05.2017).
2. Leff G. History and Social Theory. – Merlin Press, 1961. – 224 p.

3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

5. Хирш М. Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств [Электронный ресурс]: интервью. – URL: <http://urokiistorii.ru/node/53499> (дата обращения: 11.05.2017).

6. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. – № 1. – С. 47–62.

7. Людтке А. «История повседневности» в Германии после 1989 года // Казус. – 1999. – Вып. 2. – С. 117–126.

8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

9. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой; Перм. гос. гум.-пед. ун-т. – Пермь, 2013. – 240 с.

10. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.

References

1. Nora P. Istoriki poniali, chto zakony – ochen' opasnaia veshch' [Historians realized that laws are a very dangerous thing]. Available at: <http://urokiistorii.ru/current/view/2010/31/nora-ui> (accessed 23 May 2017).

2. Leff G. History and Social Theory. Merlin Press Publ., 1961, 224 p.

3. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamiati [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007, 348 p.

4. Assman Ia. Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 368 p.

5. Khirsh M. Est' raznitsa mezhdru postpamiat'iu i mobilizatsiei patrioticheskikh chuvstv [There is a difference between post-memory and the mobilization of patriotic feelings]. Available at: <http://urokiistorii.ru/node/53499> (accessed 11 May 2017).

6. Khobsbaum E. Izobretenie traditsii [The invention of traditions]. *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1, pp. 47–62.

7. Liudtke A. "Istoriiia povsednevnosti" v Germanii posle 1989 goda [The history of everyday life in Germany after 1989]. *Kazus Publ.*, 1999, iss. 2, pp. 117–126.

8. Sztompka P. Socjologia analiza społeczeństwa. 2002. [Russ. ed.: Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva. Moscow, Logos Publ., 2005, 664 p.].

9. Perm' kak stil'. Prezentatsii permskoi gorodskoi identichnosti [Perm as a style. Presentations of Perm city identity]. Ed. by O.V. Lysenko, E.G. Tregubova. Perm, PSHPU, 2013, 240 p.

10. Khantington S. Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti [Who we are? Challenges to the American national identity]. Moscow, АСТ, Tranzitkniga Publ., 2004, 635 p.

Оригинальность 97 %

Получено 29.05.2017   Принято 25.06.2017   Опубликовано 30.09.2017

М.А. Krasnoborov

MECHANISMS OF FAMILY AND NATIONAL HISTORICAL MEMORY INTERACTION IN THE PROCESS OF LOCAL IDENTITY FORMATION

The article is devoted to the issues of historical post-memory formation. The author considers post-memory as the basis for national and local identity formation. Post-memory exists in three possible forms, which are family, affiliative and official ones. While family post-memory is formed on the basis of family narratives, the official one represents a product of state policy and is aimed at the national (civil) identity formation. The ways of the above mentioned post-memories' integration deserve special attention. The author offers three possible strategies of their integration. They include conformism which implies family post-memory integration with the official post-memory; as well as non-conformism in which post-memory is built on the alternative subject; and oblivion, when family post-memory is no longer transmitted to a younger generation. Each of the strategies is fraught with the contradictions that appear between the official version, inevitably simplified, and the family one including a multitude of separate histories that often go beyond the official schemes. All these contradictions may thus lead to historical traumas of some citizens, unable to harmonize the ancestors' past with the official version of history. The author suggests calling them second-order traumas, so as to differentiate them from the more customary historical traumas described by Piotr Sztompka. The elimination of such traumas is possible, firstly, by a significant extension of the official post-memory framework, as this will provide space for the most complicated variants of family's past. Secondly, it is possible to eliminate traumas by the development of affiliative post-memory practices, which will offer a more complex and multifaceted approach to the history of the society.

Keywords: historical memory, local identity, memory politics, commemoration, historical trauma, post-memory, conformism, oblivion.

Mikhail A. Krasnoborov – Postgraduate Student, Assistant Professor, Dept. of Cultural Studies, Perm State Humanitarian Pedagogical University, e-mail: krasnoborov@pspu.ru.

Received 29.05.2017   Accepted 25.06.2017   Published 30.09.2017